

Настоящее время, ноябрь: Ланниспорт – Санса

Санса улыбнулась Поду. Они были в клубе, как и обещали, и музыка была громкой, и напитки текли рекой. Санса не пропустила, как расширились глаза Пода, когда он увидел ее в мерцающем, сверкающем золотом платье, которое она носила. Он был коротким, обнимал ее тело во всех нужных местах, и с ее длинными рыжими волосами, это были одобрены Марг и Бронн.

Она также не пропустила взгляды, которые она получила, когда четверо из них вошли от других мужчин в клубе.

Это было приятно, подумала она. Приятно быть замеченным, приятно видеть благодарные взгляды, приятно чувствовать себя молодым и беззаботным.

Санса приняла первый напиток от Марг, потягивала фруктовую смесь и пыталась сконцентрироваться на том, что говорил симпатичный мужчина перед ней.

Струч кормил пиво, на его лице была маленькая улыбка, а руки двигались. Он изучал сер Бриенну тартскую, благородную женщину, которая стала рыцарем после выполнения своих обетов.

Она никогда не была любимицей Сансы, но Под был влюблен в нее.

«Можете ли вы представить, что видите ее в действии? Так мало было даже близко к ее размеру».

Сама относительно высокая женщина, особенно когда она носила убийственные каблуки, как сегодня, Санса удивлялась увлечению Пода этой женщиной. Как бы то ни было, они были на уровне глаз друг с другом, и это было не самым привлекательным для Сансы.

Ей нравились высокие мужчины. Ей нравились альфа-мужчины.

Но она потягивала свой напиток, кивая и пытаясь. Потому что это было то, что она обещала себе, даже когда другой занимал ее мысли.

Как она так сильно относилась к мужчине во сне?

Чем больше она думала об упомянутом сне, когда танцевала, и вертелась, смеялась с Марг и флиртовала с Подом, тем больше это казалось реальным.

С Тайвином, а не с Подом.

Как бы она ни старалась, искры просто не было. И даже он знал это. Он был таким милым, добрым и добрым.

Они медленно танцевали, обнимались друг с другом, но любой, кто наблюдал за ними, мог видеть, что это похоже на друзей и ничего более.

«Просто нет, не так ли?» — сказал он, с улыбкой на лице.

— Извините, — начала говорить Санса.

Он рассмеялся.

«Санса этого не делает. Ты мне ничего не должен. Мне нравится быть твоим другом. Этого достаточно».

Она кивнула, тронутая тем, какой он добрый.

«Мне любопытно, хотя».

— О чем?

«Какой тип мужчины тебе нравится?»

Санса покачала головой, покачиваясь под музыку и думая об этом. Это был хороший вопрос, законный. И у нее не было ответа.

«Не знаю. Я знаю, чего хочу».

— Что это?

«Большая любовь. Что-то за гранью обыденного».

«Я думаю, что мы все хотим этого».

Санса грустно рассмеялась. «Достаточно справедливо. Я вырос с отцом, который любил мою мать, а затем потерял ее. Он так и не оправился от этого».

«Интересно, о ком это напоминает мне».

Подмигнул ей, и Санса подумала, что он очаровательный. Однажды он собирался сделать какую-нибудь женщину очень счастливой.

Санса закатила на него глаза. Она действительно никого не обманула тем, как сильно она обожала историю любви Тайвина и Джоанны Ланнистер. Она знала, что этот человек был монстром; он совершал ужасные поступки. Она не оправдывала этого, но она также думала, что для этого человека было больше, чем просто монстр.

«Хорошо, умные штаны, чего ты хочешь?» Они вернулись за свой стол, еще один раунд напитков. У Сансы был приятный, приятный кайф, и она чувствовала себя хорошо. Марг и Бронн разбирались, но остановились, когда Санса задала свой вопрос.

Капсула немного покраснела, но зацепилась, немного пожав плечами.

«Я дунно — жена. Может быть, дом в Подмосковье. Преподавательская должность и пара детей. Я мог бы тренировать футбол по субботам».

«Это звучит хорошо», — сказал Бронн, удивляя Сансу. Она никогда не думала, что увидит, как чрезмерно сексуальный, сквернословящий парень Марг признается, что хочет чего-то подобного. Что-то такое... нормальный.

— Правда? Санса сказала, глядя на него, немного скептически.

Его лицо скручивалось в то, что, как она предполагала, было ухмылкой, когда он пил пиво. Каким-то образом он сделал так, чтобы это казалось откровенно сексуальным, как он обхватил губами горлышко бутылки.

«Ну, может быть, не тренировать футбол. Или дом в нарывах. Но жена. Кто-то ваш, вы знаете. И место, которое можно назвать своим. Человек должен иметь свой замок, а замок должен иметь королеву».

Марг, по возможности, еще крепче обернулась вокруг него, воркуя на него. Санса любила их всех, пила еще немного.

«Давай, Сан, ты должен признать, что хочешь детей. Я имею в виду, ты та самая девушка». Марг покачала бровями.

«Ну да. Конечно, я делаю. Но я также не хочу соглашаться. Я имею в виду, я просто хочу того, что было у моих родителей», — мягко сказала она, и никто не спорил с ней.

«Выстрелы! Нам нужны выстрелы!» Марг заплакала, нарушив неловкое молчание.

Они только что сделали свой второй голос, который Санса никогда не хотела слышать.

«Так вот где тусуются проигравшие».

Закатив глаза, Санса повернулась, чтобы увидеть Джоффа, стоящего там, с ухмылкой на его лице. Она решила, что что-то в его поведении поставило ее на грань; он был скользким. Как будто он чувствовал, что он лучше всех, и в нем была жестокость. Он был того же возраста, что и Марг, но не похож на ее подругу, хотя они оба происходили из известных семей на юге и двигались в одних и тех же разреженных кругах.

Марг фыркнула. Она сидела на коленях у Бронна, полная уверенности и владеющая своей сексуальной привлекательностью. Бронн с восхищением смотрел на нее.

«Да, мы проигравшие».

Она присматривалась к Джоффу и его наряду — слишком обтягивающему черному топу и кожаным брюкам.

Кожаные брюки.

Боги, о чем он думал?

Он был слишком худым и слишком слабым, чтобы вытащить этот взгляд. Это оттолкнуло его, и уродливая насмешка омрачила его лицо.

«Ну, посмотри на тебя. Она урод со своим мозгом, а он чертовски неудачник, который не может получить цыпленка. И вы встречаетесь с каким-то старым неудачником. Боги, вы все жалкие».

Джофф повернулся и побежал прочь, следуя за ним, двумя своими неповоротливыми друзьями, которые выглядели как возврат к эпохе неолита. Их маленькая группа вытолкнула его из головы в тот момент, когда он ушел. Он просто не стоил их времени.

«Давай! Давайте танцевать!» Марг снова сказала, вытащив их всех на переполненный танцпол, где они танцевали в группе.

Когда Санса вздрогнула и встряхнулась вместе с Подом, Маргом и Бронном, она не могла не почувствовать, что кто-то следит за ней. Не в жуткой, сталкерской манере. Но кто-то, кто ценил ее, привлекал ее, а также защищал ее. Это было чувство, которое она искала и так и не

нашла. До сих пор.

Пьяная и бросая осторожность на ветер, не имея ни малейшего представления о том, откуда взялось это чувство, Санса опустила руки над головой и покачала своим телом, кружа против Марг, демонстрируя движения, которые, как она знала, у нее были. Они оба были зрелищем, и Бронн и Под, мудрые люди, которыми они были, просто стояли в стороне и оценили отличный вид.

«Это ложь, верно?» — сказал Бронн Поду.

— Что такое ложь?

«Что ты не получишь ни одного». Бронн посмотрел на Поду. «Я слышал слухи о тебе, Подрик Пейн».

Под мимикрировал, застегнув губы, а затем ударил Бронна по спине. Он подмигнул.

«У меня все в порядке».

Струч пошевелил языком, когда Бронн завыл.

«Ты грязная гребаная собака!»

Двое мужчин были сосредоточены друг на друге, пропустив, когда Джофф пробрался близко к двум женщинам.

Санса трясла бедрами, смеясь, когда Марг покачивала сиськами.

— Веселится, Санса?

"Лучшее время, Марг."

Санса улыбалась своей подруге, когда почувствовала, что кто-то сжимает ее.

Какого чёрта? Она подумала, закручиваясь. Только она не могла, потому что Джофф был там, прижатый к ней.

OMG, что это было?

Что-то сильное давило на нее. Это был его пенис! Эухвв!

Она чуть не заткнула рот, когда почувствовала, как он втирается в нее. Она взглянула на Марг, которая мимикрировала рвотой.

Внезапно Санса почувствовала прилив гнева и защиты, который странным образом был направлен на Джоффа, и ее кольцо тепло светилось на пальце указателя.

Она крутила и толкала Джоффа.

«Что, черт возьми, ты делаешь?»

Он поднял руки и посмотрел на нее, облизывая губы. Эта смазливая ухмылка была на виду.

«Давай, детка. Любой, кто трясет, как вы, имеет в виду одну вещь».

"Гросс. Боги, почему вы такой уродливый ползучий», — кричала она, толкая его в грудь.

Он едва двигался, в то время как два его друга внезапно обошли его. Она тряслась от ярости, задаваясь вопросом, что она может сказать или сделать, чтобы заставить его прекратить эту странную одержимость ею.

Ухмылка на его смуглом лице исчезла, и на ее месте было что-то почти злое.

«Осторожно, Санса. У меня хорошие связи. Я мог бы вывести тебя из программы в чертову минуту!» Джофф щелкнул пальцами.

В течение одного короткого мгновения страх пронесся через нее, и она задалась вопросом, говорит ли он правду. Прежде чем Санса смогла что-то сказать, Марг была там.

«О боги, ты такой член. Даже не пытайтесь. Моя бабушка гораздо более связана, чем твои пьяные отходы для матери, Джофф», — рычала на него Марг, обхватив Сансу рукой.

«Кроме того, вы находитесь в двух неделях от того, чтобы вас выгнали из программы».

— Боги, ты такая шлюха, — рычал Джофф на Марг. Он посмотрел на Сансу. «А ты просто дразнилка петуха. Держите пари, что вы гребаная девственница. Твои ноги так плотно сомкнуты, что ни у одного мужчины никогда не будет шанса трахнуть тебя».

Шок, чистый и яркий, заставил Сансу стоять там. Затем она поклялась, что услышала рычание и почти физическое проявление ярости, мощной и горячей, пронесшейся мимо нее. Джофф отступил назад, оглянувшись.

«Черт возьми. Ничто из этого не стоит того».

Он закрутился, повернулся и исчез в толпе, как раз в тот момент, когда Под и Бронн присоединились к женщинам.

— Чего хотел этот черт? Бронн зарычал.

«Ничего, детка. Но я думаю, что мы закончили».

Санса все еще не знала, что произошло. Она позволила Поду провести ее к проверке пальто, а затем к ожидающему уберу. Когда они добрались до ее здания, она поблагодарила своих друзей за ночь, но потерялась в голове.

Что это было сегодня вечером? Это было то же самое чувство от ее сна прошлой ночью. Было это чувство связи, и гнев, который она испытывала от ее имени, был огромным. Если бы тот, кто был обладателем таких чувств, стоял рядом с ней в клубе сегодня вечером, Санса была более чем уверена, что Джоффри был бы лужей боли на земле.

«Что это?» — громко пробормотала она, сняв платье, туфли и макияж. Она задрала волосы, а затем вошла в душ, задаваясь вопросом, не теряет ли она рассудок. Ее глаза поймали кольцо сигила льва, которое почти светилось, когда оно нагревалось на ее пальце.

Когда она была в постели, она достала книгу, которую ей дал отец, перевернув к изношенной странице.

«Если бы чувствовала себя как ты», — сказала она, проводя пальцами по суровому лицу Тайвина Ланнистера. «Я могу себе представить, что именно так бы вы отреагировали, если бы

когда-нибудь подслушали что-то подобное».

Санса зевнула, день, ночь, напитки и драма догоняли ее. Сонно она закрыла книгу и прижалась к обложкам. Возможно, с ней и Подом что-то не получится, но Санса знала, что у нее появились настоящие друзья в Ланниспорте.

И пока этого было достаточно. Когда пришло время, она находила мужчину, с которым должна была быть - ей просто нужно было доверять вселенной и верить, что ее время придет.

Прошлое: Кастерли Рок — Тайвин

С тех пор, как он столкнулся с Серсеей в своем солнечном свете, Тайвин Ланнистер, человек, который уделял очень мало внимания своим детям в течение последних нескольких лет, внимательно наблюдал за своей дочерью в последние несколько дней. То, что он никогда не видел ее чувства права, ее высокомерия, ее презрения к тем, кто служил их дому, в том числе того, как она относилась к его братьям и его сестре, шокировало его.

Было ясно, что Серсея чувствовала, что ее место было в качестве любовницы Кастерли Рока, роль, которую ее мать в последний раз выполняла. И в некотором смысле это была ее роль его дочери. Проблема заключается в ее понимании того, что это влечет за собой.

Джоанна была непревзойденной леди Ланнистер, легко способной пройти через ежедневные испытания и невзгоды, которые пришли с управлением таким массивным замком. Его жена работала так же усердно, как и Тайвин, чтобы его семейное кресло функционировало в высоком порядке. Люди, которые служили им, любили и уважали Джоанну Ланнистер.

Она была строгой, но доброй и справедливой по отношению к их слугам, когда это требовалось.

Она была его помощницей во всех отношениях, и когда война забрала Тайвина со Скалы, он никогда не беспокоился о том, чтобы оставить свой замок в ее умелых руках.

Серсея была требовательной, хрупкой и короткой с теми, кто должен был служить им.

В какой-то момент Тайвин подумала, что на самом деле она может ударить молодую горничную, которая споткнулась и пролила свой чай, испачкав платье Серсеи. Сам Тайвин набросился на женщину, но он никогда не ударил ее.

Серсея кричала, пока горничная не выбежала из комнаты, ярость в глазах его дочери ощутилась, когда она бормотала о некомпетентности всех.

Он продолжал этот путь в течение нескольких дней, с персоналом, слугами и их семьей. И через все это Тайвин наблюдал за ней, растущее чувство беспокойства оседало в яме, которая образовалась в его желудке.

Серсея презирала Генну, его сестру, и откровенно грубила жене Кевана, Дорне. Дорна была прекрасной женщиной, которая была активом для их дома. Кеван и Дорна были женаты почти семнадцать лет, и Дорна ничего не сделала, чтобы заслужить насмешки Серсеи.

Тирион почти прятался от нее, сжимаясь, когда она смотрела на него, когда они садились есть. У Тайвина не было любви к своему третьему ребенку, но у него были свои причины. По какой причине Серсея относилась к нему таким образом?

Единственным человеком, которого она пыталась успокоить, был он, почти сахарин в ее

улыбках, которые она посылала ему, воркуя и облизывая его так, как она никогда раньше не делала. Если она думала, что такое поведение заставит его забыть все, чем она угрожала на днях в его солнечном свете, она ошибалась.

Тайвин не думал ни о чем другом, кроме своей беспокойной дочери, женщины в его снах и восстания, которое, казалось, бушевало вокруг них. Из столицы не было никаких просьб о помощи, а сообщений от Джейме было далеко и мало, слишком мало для того, чтобы Тайвину нравилось.

Хуже того, почти ежедневно к нему приставал Тирион, который утверждал, что у него есть что-то «жизненно важное», чтобы сказать Тайвину. Просто смотреть на своего младшего сына, который не был его, было достаточно, чтобы разозлить Тайвина, и он уволил его на неделю подряд, крича на мальчика, чтобы он оставил его.

С Тирионом это всегда была какая-то бесконечная болтовня о драконах или гигантах или о чем-то, на что у Тайвина не было времени. Он едва среагировал, когда Тирион сжался, когда повысил на него голос, отметив, что его братья и сестры часто были там, чтобы предложить утешение мальчику.

«Он должен ужесточиться», — прорычал Тайвин, глядя на мальчика, когда тот выходил из столовой.

Все его дети имели его в припадках в эти дни, и это была не та позиция, которой пользовался Тайвин.

Из-за этой женщины в его снах ему приходилось обращать внимание на вещи, которые, по его мнению, были под контролем. Были дни, когда он гневался на нее за то, что она появилась, за то, что заставила его спросить себя и свою дочь, и другие, где он проводил долгие часы, будучи странно благодарным за ее появление в его жизни. Без нее, кто знает, что он мог бы позволить случиться.

Как будто с глаз сняли повязку, и теперь он мог ясно видеть Серсею - видеть ее такой, какая она есть. И то, что он увидел, нисколько не впечатлило Тайвина.

Она считала себя умной, хитрой и холодно логичной.

Но Тайвин быстро поняла, что она не является ни одной из этих вещей.

Она была существом, управляемым эмоциями, перегруженным и склонным реагировать, не обдумывая вещи. Она была неблагодарной, эгоистичной и тщеславной настолько, чтобы поверить, что ее красота повлияет на ее дело.

Она была проблемой, выводил Тайвин однажды поздно вечером, когда он сидел и смотрел на огонь.

Вместо того, чтобы быть активом для их семьи, Тайвин понял, что ему придется нейтрализовать ее, чтобы она не разорвала их большой дом по швам. Он с отвращением фыркнул на нее - ее действия окрашивали его мысли о ней.

«И думать, что я предполагал, что именно Тирион уничтожит дом Ланнистеров», — пробормотал он про себя.

Мальчик был настолько влюблен в него и Джейме, что он, скорее всего, сделал бы все, что они

от него попросят, в то время как Серсея этого не сделала. И Тайвин не стал бы терпеть тех, кто мог бы подорвать его положение, даже если бы они разделяли его кровь.

Говоря о крови, он вытер руку, заметив, что бумага, которую он дал себе несколько недель назад, казалось, вновь открылась в самое неподходящее время.

Лежа в своей постели той ночью, он позволил своему взгляду дрейфовать в сторону кровати, где спала его жена. В отличие от некоторых дворян, они делили постель, по крайней мере, всякий раз, когда он возвращался к Скале. Обычно боль у Джоанны была настолько острой, настолько болезненной, что она отнимала у него дыхание, но в последнее время Тайвин обнаружил, что она меньше. Даже сейчас он понял, что вещи о женщине, которую он любил, исчезли. Часто он ловил себя на том, что думает о другом, когда он переживает свой день, задаваясь вопросом, была ли эта женщина из будущего ведьмой, которая очаровала его таким образом.

Он хотел бы знать ее имя. Черт возьми, он хотел бы знать, как далеко в будущее он видит.

Были времена, когда он надеялся, что видения прекратятся, что у него никогда не будет другого. Он выполнил свой долг, женился и произвел на свет наследника. Если бы он мог вырвать Джейме из-под контроля Эйриса, его фамилия пережила бы его сына.

Были времена, когда он надеялся, что видения прекратятся, что у него никогда не будет другого. Он выполнил свой долг, женился и произвел на свет наследника. Если бы он мог вырвать Джейме из-под контроля Эйриса, его фамилия пережила бы его сына.

В других случаях он закрывал глаза и молился богам, в которых едва верил, чтобы увидеть рыжеволосую женщину во сне.

В других случаях он закрывал глаза и молился богам, в которых едва верил, чтобы увидеть рыжеволосую женщину во сне.

Несмотря на это, худшим было отсутствие контроля, и даже когда он погрузился в сон, он почувствовал, что на него обрушивается тяжелый сон. Он знал, что увидит ее сегодня вечером, хотя Великий Лев кастерли-Рока не знал, быть ли в восторге или сердиться из-за того, что он, казалось, был предметом непостоянных богов, которые играли с ним и с ней.

Несмотря на это, худшим было отсутствие контроля, и даже когда он погрузился в сон, он почувствовал, что на него обрушивается тяжелый сон. Он знал, что увидит ее сегодня вечером, хотя Великий Лев кастерли-Рока не знал, быть ли в восторге или сердиться из-за того, что он, казалось, был предметом непостоянных богов, которые играли с ним и с ней.

Первое, что заметил Тайвин, это грохот музыки, какофония звука и явная бессмысленность, где бы он ни находился. Если бы он думал, что то, как люди одевались раньше, было грубым, сегодня вечером его глаза едва ли знали, куда смотреть.

Первое, что заметил Тайвин, это грохот музыки, какофония звука и явная бессмысленность, где бы он ни находился. Если бы он думал, что то, как люди одевались раньше, было грубым, сегодня вечером его глаза едва ли знали, куда смотреть.

Он сразу же нашел ее, одетую в свои цвета всех вещей! Она была в коротком, мерцающем золотом платье, которое едва сжимало ее великолепную попку, рыжие волосы распустились на спине и вспышка золота на пальце. Она кружилась с какой-то другой женщиной, которая была едва ли такой высокой, как она, ее длинные ноги заканчивались обувью, которую Тайвин не

мог понять.

Он сразу же нашел ее, одетую в свои цвета всех вещей! Она была в коротком, мерцающем золотом платье, которое едва сжимало ее великолепную попку, рыжие волосы распустились на спине и вспышка золота на пальце. Она кружилась с какой-то другой женщиной, которая была едва ли такой высокой, как она, ее длинные ноги заканчивались обувью, которую Тайвин не мог понять.

Как можно было стоять не более чем на шпильке? Он заинтересовался. Он не мог не позволить своим глазам следить за ее формой, этими длинными ногами на полном показе, обувью, которую она носила, каким-то образом заставляя их выглядеть еще лучше.

Как можно было стоять не более чем на шпильке? Он заинтересовался. Он не мог не позволить своим глазам следить за ее формой, этими длинными ногами на полном показе, обувью, которую она носила, каким-то образом заставляя их выглядеть еще лучше.

Черт возьми, он был твердым, как камень, задаваясь вопросом, что она может иметь под своим платьем, видя, как она размахивает своим телом таким образом, что более одного мужчины в ее непосредственной близости смотрят на нее.

Черт возьми, он был твердым, как камень, задаваясь вопросом, что она может иметь под своим платьем, видя, как она размахивает своим телом таким образом, что более одного мужчины в ее непосредственной близости смотрят на нее.

И как он мог обвинять их? Она была видением! Богиня, он был уверен, и принцесса! Она, конечно, выбрала бы любого мужчину.

И как он мог обвинять их? Она была видением! Богиня, он был уверен, и принцесса! Она, конечно, выбрала бы любого мужчину.

«Веселитесь, Санса?» — спросила другая женщина.

«Веселитесь, Санса?» — спросила другая женщина.

Санса! Ее звали Санса! Что-то в Тайвине воскликнуло от радости, что теперь он знает ее имя.

Санса! Ее звали Санса! Что-то в Тайвине воскликнуло от радости, что теперь он знает ее имя.

"Лучшее время, Марг."

"Лучшее время, Марг."

Две женщины уделяли друг другу такое внимание, что скучали, когда мужчина, светловолосый и с жестоким и расчетливым блеском в глазах, вторгся в пространство Сансы. Он прижался к ней, прикоснувшись к ней, и лев в Тайвине зарычал в знак опровержения!

Две женщины уделяли друг другу такое внимание, что скучали, когда мужчина, светловолосый и с жестоким и расчетливым блеском в глазах, вторгся в пространство Сансы. Он прижался к ней, прикоснувшись к ней, и лев в Тайвине зарычал в знак опровержения!

Как он смеет! — подумал Тайвин.

Как он смеет! — подумал Тайвин.

Она не была его трогать! Он был в ярости, ярость поглотила его. Если бы он был там, он бы взял руку мужчины за то, что он осмелился прикоснуться к ней таким образом. Вместо этого он был беспомощен, чтобы сделать что-нибудь, кроме как смотреть, как какой-то другой мужчина прикасается к женщине, которая была его.

Она не была его трогать! Он был в ярости, ярость поглотила его. Если бы он был там, он бы взял руку мужчины за то, что он осмелился прикоснуться к ней таким образом. Вместо этого он был беспомощен, чтобы сделать что-нибудь, кроме как смотреть, как какой-то другой мужчина прикасается к женщине, которая была его.

Потому что она была, Тайвин понял. Каким-то образом, и он не знал, как она БЫЛА ЕГО. Санса принадлежала ему, и он убивал любого, кто причинял ей боль.

Потому что она была, Тайвин понял. Каким-то образом, и он не знал, как она БЫЛА ЕГО. Санса принадлежала ему, и он убивал любого, кто причинял ей боль.

Он наблюдал, как она крутилась, толкал мужчину и кричал на него.

Он наблюдал, как она крутилась, толкал мужчину и кричал на него.

«Что, черт возьми, ты делаешь?»

«Что, черт возьми, ты делаешь?»

Взгляд на лице мужчины охладил кровь Тайвина. Это было жестоко и порочно. Это был не тот, кто любезно отнесся бы к тому, что ему сказали «нет». Как ни странно, он напомнил Тайвину Серсею и взгляд, который он видел на лице своей дочери, когда они обсуждали ее варианты брака.

Взгляд на лице мужчины охладил кровь Тайвина. Это было жестоко и порочно. Это был не тот, кто любезно отнесся бы к тому, что ему сказали «нет». Как ни странно, он напомнил Тайвину Серсею и взгляд, который он видел на лице своей дочери, когда они обсуждали ее варианты брака.

«Давай, детка. Любой, кто трясет, как вы, имеет в виду одну вещь».

«Давай, детка. Любой, кто трясет, как вы, имеет в виду одну вещь».

"Гросс. Боги, почему вы такой уродливый ползучий», — кричала она, толкая его в грудь.

"Гросс. Боги, почему вы такой уродливый ползучий», — кричала она, толкая его в грудь.

Тайвин увидел, как двое друзей этого человека присоединились к нему, неуклюжие звери, шлепающие, глядя на Сансу в ее коротком платье.

Тайвин увидел, как двое друзей этого человека присоединились к нему, неуклюжие звери, шлепающие, глядя на Сансу в ее коротком платье.

Тайвин прорычал про себя, что они не стоят того, чтобы даже смотреть на нее.

Тайвин прорычал про себя, что они не стоят того, чтобы даже смотреть на нее.

Сансу трясло, и Тай жаждал вытащить ее в свои объятия, где она была бы в безопасности и защищена.

Сансу трясло, и Тай жаждал вытащить ее в свои объятия, где она была бы в безопасности и защищена.

«Осторожно, Санса. У меня хорошие связи. Я мог бы вывести тебя из программы в чертову минуту!» Джофф щелкнул пальцами.

«Осторожно, Санса. У меня хорошие связи. Я мог бы вывести тебя из программы в чертову минуту!» Джофф щелкнул пальцами.

Он осмелился!! Осмелились ей угрожать? Кем он себя считал?

Он осмелился!! Осмелились ей угрожать? Кем он себя считал?

Тайвин увидел неподдельный страх на лице Сансы, и он рычал на его бессилие что-либо сделать.

Тайвин увидел неподдельный страх на лице Сансы, и он рычал на его бессилие что-либо сделать.

«О боги, ты такой член. Даже не пытайтесь. Моя бабушка гораздо более связана, чем ваши пьяные отходы для матери, Джофф», — сказала другая женщина. «Кроме того, вы находитесь в двух неделях от того, чтобы вас выгнали из программы».

«О боги, ты такой член. Даже не пытайтесь. Моя бабушка гораздо более связана, чем ваши пьяные отходы для матери, Джофф», — сказала другая женщина. «Кроме того, вы находитесь в двух неделях от того, чтобы вас выгнали из программы».

«Боги, вы такая шлюха», — огрызнулся мужчина. Затем он посмотрел на Сансу. «А ты просто дразнилка петуха. Держите пари, что вы гребаная девственница. Твои ноги закрыты так плотно, что ни один мужчина никогда не получит шанс трахнуть тебя».

«Боги, вы такая шлюха», — огрызнулся мужчина. Затем он посмотрел на Сансу. «А ты просто дразнилка петуха. Держите пари, что вы гребаная девственница. Твои ноги закрыты так плотно, что ни один мужчина никогда не получит шанс трахнуть тебя».

Фьюри, в отличие от всего, что Тайвин чувствовал с тех пор, как узнал о том, что Эйрис сделал со своей женой, пронесся через Тайвина. Он видел ее шок, боль, ее правду. Несмотря на то, как эта женщина одевалась, она была чиста. И она была ЕГО!

Фьюри, в отличие от всего, что Тайвин чувствовал с тех пор, как узнал о том, что Эйрис сделал со своей женой, пронесся через Тайвина. Он видел ее шок, боль, ее правду. Несмотря на то, как эта женщина одевалась, она была чиста. И она была ЕГО!

Тайвин зарычал и поклялся, что те, кто был в его видении, почувствовали его ярость, когда светловолосый мужчина, наконец, отступил от нее.

Тайвин зарычал и поклялся, что те, кто был в его видении, почувствовали его ярость, когда светловолосый мужчина, наконец, отступил от нее.

«Черт возьми. Ничто из этого не стоит того». Он закрутился, повернулся и исчез в толпе, как только двое других мужчин присоединились к женщинам.

«Черт возьми. Ничто из этого не стоит того». Он закрутился, повернулся и исчез в толпе, как

только двое других мужчин присоединились к женщинам.

«Чего хотел этот черт?» — спросил один из них.

«Чего хотел этот черт?» — спросил один из них.

«Ничего, детка. Но я думаю, что мы закончили».

«Ничего, детка. Но я думаю, что мы закончили».

Тайвин едва взглянул на них, его взгляд на Сансу. Там был еще один мужчина, который защищал ее таким образом, что говорил о дружбе. Тайвин увидел, что он вывел ее из заведения, где они были, когда видение начало исчезать.

Тайвин едва взглянул на них, его взгляд на Сансу. Там был еще один мужчина, который защищал ее таким образом, что говорил о дружбе. Тайвин увидел, что он вывел ее из заведения, где они были, когда видение начало исчезать.

Расстроенный, он выплеснул свой гнев, удивляясь, почему его так наказывают.

Расстроенный, он выплеснул свой гнев, удивляясь, почему его так наказывают.

Проснувшись, Тайвин ударил кулаком в подушку, рыча о то, насколько невозможной была вся ситуация. Над ним издевались над тем, чего он не мог иметь.

Проснувшись, Тайвин ударил кулаком в подушку, рыча о то, насколько невозможной была вся ситуация. Над ним издевались над тем, чего он не мог иметь.

В течение десяти долгих лет он оплакивал свою жену, нося свое горе как плащ, чтобы он ничего не чувствовал.

В течение десяти долгих лет он оплакивал свою жену, нося свое горе как плащ, чтобы он ничего не чувствовал.

Он оттолкнул своих детей, огрызнулся на своего брата и поклялся никогда не брать другого в жены. Он умрет вместе с миром, зная, что он любил только одну женщину, женщину, которая была украдена у него слишком рано.

Он оттолкнул своих детей, огрызнулся на своего брата и поклялся никогда не брать другого в жены. Он умрет вместе с миром, зная, что он любил только одну женщину, женщину, которая была украдена у него слишком рано.

Теперь, однако, был кто-то другой. И он не мог ее иметь. Он даже не мог защитить ее. Это была долгая и беспокойная ночь для льва Кастерли-Рока, когда он думал о Сансе и его неспособности добраться до нее.

Теперь, однако, был кто-то другой. И он не мог ее иметь. Он даже не мог защитить ее. Это была долгая и беспокойная ночь для льва Кастерли-Рока, когда он думал о Сансе и его неспособности добраться до нее.

Через неделю после своего последнего видения Тайвин, наконец, сказал Тириону, что встретится с ним позже в тот же день на своем солнечном солнце. Он тихо сказал это своему сыну, увидев его глаза светлыми. Тирион дал ему небольшой кивок.

Через неделю после своего последнего видения Тайвин, наконец, сказал Тириону, что встретится с ним позже в тот же день на своем солнечном солнце. Он тихо сказал это своему сыну, увидев его глаза светлыми. Тирион дал ему небольшой кивок.

— Спасибо, отец.

— Спасибо, отец.

Тайвин ничего не сказал, повернувшись на пятку, чтобы уйти.

Тайвин ничего не сказал, повернувшись на пятку, чтобы уйти.

Выйдя из столовой, он пропустил взгляд на лице своей дочери, все еще занятый мыслями о восстании, Джейме, Сансе и о том, как все, казалось, распутывалось вокруг него.

Выйдя из столовой, он пропустил взгляд на лице своей дочери, все еще занятый мыслями о восстании, Джейме, Сансе и о том, как все, казалось, распутывалось вокруг него.

Он сел за свой стол и перечитал свиток, пришедший из Сильверхилла. Дом Серретта, где он находился, был одним из главных домов, присягнувших Кастерли Року, а лорд Серретт был одним из самых преданных знаменосцев Тайвина.

Он сел за свой стол и перечитал свиток, пришедший из Сильверхилла. Дом Серретта, где он находился, был одним из главных домов, присягнувших Кастерли Року, а лорд Серретт был одним из самых преданных знаменосцев Тайвина.

Он писал о битве при Эшфорде в Риче.

Он писал о битве при Эшфорде в Риче.

Мой лорд Тайвин,

Мой лорд Тайвин,

Похоже, что конфликт обостряется между повстанческими силами и теми, кто лоялен королю. Лорд Тарли, яростный военачальник и верный дому Тирелла, встретил лорда Роберта Баратеона в Эшфорде в Риче. Фургон армии Тирелла под руководством лорда Тарли столкнулся с войсками Роберта, сокрушив их и вынудив Роберта выйти из битвы, прежде чем все было потеряно для Лорда Оленей.

Похоже, что конфликт обостряется между повстанческими силами и теми, кто лоялен королю. Лорд Тарли, яростный военачальник и верный дому Тирелла, встретил лорда Роберта Баратеона в Эшфорде в Риче. Фургон армии Тирелла под руководством лорда Тарли столкнулся с войсками Роберта, сокрушив их и вынудив Роберта выйти из битвы, прежде чем все было потеряно для Лорда Оленей.

Пришло известие, что Роберт оставил своего младшего брата Станниса ответственным за Конец Шторма, в то время как Роберт направляет свои силы на север, чтобы присоединиться к своим союзникам, лорду Старку и лорду Аррену.

Пришло известие, что Роберт оставил своего младшего брата Станниса ответственным за Конец Шторма, в то время как Роберт направляет свои силы на север, чтобы присоединиться к своим союзникам, лорду Старку и лорду Аррену.

После победы армия Тирелла марширует к Концу Шторма.

После победы армия Тирелла марширует к Концу Шторма.

Мы, как всегда, сохраняем бдительность в нашей защите Вестерландов.

Мы, как всегда, сохраняем бдительность в нашей защите Вестерландов.

Твой покорный слуга,

Твой покорный слуга,

Лорд Серретт.

Лорд Серретт.

Тайвин наклонился над своей картой.

Тайвин наклонился над своей картой.

Неужели Роберт действительно отказался от Storm's End, оставив его в руках Станниса Баратеона? И куда он может пойти, должен ли свиток быть правдой и что он повернул на север?

Неужели Роберт действительно отказался от Storm's End, оставив его в руках Станниса Баратеона? И куда он может пойти, должен ли свиток быть правдой и что он повернул на север?

В Речных землях было больше всего смысла, и в сторону Стоуни Септ.

В Речных землях было больше всего смысла, и в сторону Стоуни Септ.

Если бы Тайвин объявил за повстанцев, они могли бы отправиться в Дип-Ден или Сильверхилл, но он этого не сделал. И он не был готов к этому. Ещё нет.

Если бы Тайвин объявил за повстанцев, они могли бы отправиться в Дип-Ден или Сильверхилл, но он этого не сделал. И он не был готов к этому. Ещё нет.

Тем не менее, это было тревожно, зная, что Роберт в конце концов вышел победителем. Это заставило Тайвина задуматься о том, как он хочет разыграть это.

Тем не менее, это было тревожно, зная, что Роберт в конце концов вышел победителем. Это заставило Тайвина задуматься о том, как он хочет разыграть это.

Тайвин знал, что между Недом Старком и Кейтилин Талли был заключен брачный союз. Нед Старк дружил с Робертом, но был совершенно другим типом человека. Брак между Недом и Кейтилин дал повстанцам четыре из Семи Королевств. Рич, Дорн и Краунлендс с одной стороны, Долина, Север, Риверлендс и Штормлендс с другой.

Тайвин знал, что между Недом Старком и Кейтилин Талли был заключен брачный союз. Нед Старк дружил с Робертом, но был совершенно другим типом человека. Брак между Недом и Кейтилин дал повстанцам четыре из Семи Королевств. Рич, Дорн и Краунлендс с одной стороны, Долина, Север, Риверлендс и Штормлендс с другой.

И он, сидящий без дела на Западе.

И он, сидящий без дела на Западе.

Наступила ночь, и Тайвина вызвали на ужин, отметив, что Тирион не пришел навестить его из-за всех его просьб. Не было мальчика и за ужином. У Тайвина не было времени на такие выходы, и он просто отмахнулся от своего разума. Если бы он не удосужился показать, когда Тайвин назначил ему время, чтобы поговорить с ним, то Тайвин не стал бы его искать.

Наступила ночь, и Тайвина вызвали на ужин, отметив, что Тирион не пришел навестить его из-за всех его просьб. Не было мальчика и за ужином. У Тайвина не было времени на такие выходы, и он просто отмахнулся от своего разума. Если бы он не удосужился показать, когда Тайвин назначил ему время, чтобы поговорить с ним, то Тайвин не стал бы его искать.

На следующее утро неистовый стук в его дверь разбудил Великого Льва. Его стюард стоял там, бледный и трясущийся, когда он разорвал его.

На следующее утро неистовый стук в его дверь разбудил Великого Льва. Его стюард стоял там, бледный и трясущийся, когда он разорвал его.

— Что?

— Что?

«Это твой сын, мой Господь».

«Это твой сын, мой Господь».

Живот Тайвина опустился, страх за Джейме почти парализовал его.

Живот Тайвина опустился, страх за Джейме почти парализовал его.

«Что случилось с Хайме?» — спросил он, тряся мужчину.

«Что случилось с Хайме?» — спросил он, тряся мужчину.

Он покачал головой. «Нет, Мой Господь. Не Хайме. Тирион».

Он покачал головой. «Нет, Мой Господь. Не Хайме. Тирион».

Тайвин нахмурился. — Тирион?

Тайвин нахмурился. — Тирион?

Мужчина заикался. «Да, мой Господь. Тирион, маленький лев. Его тело было найдено сегодня утром под одной из дорожек».

Мужчина заикался. «Да, мой Господь. Тирион, маленький лев. Его тело было найдено сегодня утром под одной из дорожек».

— Его тело? Тайвин знал, что он звучит как идиот, но его мозг не мог понять, что ему говорят.

— Его тело? Тайвин знал, что он звучит как идиот, но его мозг не мог понять, что ему говорят.

Мужчина снова кивнул. «Да, мой Господь. Он, кажется, упал с большой высоты. Он был мертв в течение некоторого времени, прежде чем кто-то нашел его».

Мужчина снова кивнул. «Да, мой Господь. Он, кажется, упал с большой высоты. Он был мертв в течение некоторого времени, прежде чем кто-то нашел его».

Глаза Тайвина сузились. Было очень мало мест, где кто-то ростом с Тириона мог просто «упасть» насмерть.

Глаза Тайвина сузились. Было очень мало мест, где кто-то ростом с Тириона мог просто «упасть» насмерть.

«Он был тронут?»

«Он был тронут?»

«Нет, Мой Господь. Вы первый, кто узнает».

«Нет, Мой Господь. Вы первый, кто узнает».

Страх наполнил живот Тайвина, когда он мчался одеваться. Он ненавидел Тириона; это было правдой. Но он был Джоанной, за что умерла его жена, и он, в конце концов, был Ланнистером. Трепет свернулся в животе Тайвина, хотя он знал, что его лицо ничего не выдает внешне.

Страх наполнил живот Тайвина, когда он мчался одеваться. Он ненавидел Тириона; это было правдой. Но он был Джоанной, за что умерла его жена, и он, в конце концов, был Ланнистером. Трепет свернулся в животе Тайвина, хотя он знал, что его лицо ничего не выдает внешне.

Только один человек в Кастерли-Рок ненавидел карлика так же сильно, как и он; его дочь. Когда Великий Лев поспешил за своим управляющим, некогда знакомый комфорт его дома приобрел явно более темный край.

Только один человек в Кастерли-Рок ненавидел карлика так же сильно, как и он; его дочь. Когда Великий Лев поспешил за своим управляющим, некогда знакомый комфорт его дома приобрел явно более темный край.

Была ли Серсея способна на такой поступок?

Была ли Серсея способна на такой поступок?

И если да, то что через семь адов Тайвин будет делать с ней?

И если да, то что через семь адов Тайвин будет делать с ней?

Его ум мчался с возможностями, отвергая их, воюя с любовью, долгом и мертвой женой, которую он, казалось, терпел неудачу с каждым днем.

Его ум мчался с возможностями, отвергая их, воюя с любовью, долгом и мертвой женой, которую он, казалось, терпел неудачу с каждым днем.

Одно можно было сказать наверняка, когда солнце пробило горизонт, Тайвин Ланнистер не позволил Серсее уничтожить Дом Ланнистеров. Он слишком много работал, пожертвовал слишком многим, чтобы дать ей такую власть. Когда он, наконец, увидел крошечное тело Тириона, он упал на колени, его неудача почти сломала его.

Одно можно было сказать наверняка, когда солнце пробило горизонт, Тайвин Ланнистер не позволил Серсее уничтожить Дом Ланнистеров. Он слишком много работал, пожертвовал слишком многим, чтобы дать ей такую власть. Когда он, наконец, увидел крошечное тело Тириона, он упал на колени, его неудача почти сломала его.

Он взглянул вверх, заметив, что его первоначальная мысль была правильной. Учитывая высоту стены и место, где лежало тело Тириона, это не было случайностью.

Он взглянул вверх, заметив, что его первоначальная мысль была правильной. Учитывая высоту стены и место, где лежало тело Тириона, это не было случайностью.

Дело было не в мальчике, которого он оплакивал, и не в потере для себя, а в том, насколько он подвел свою любимую жену. Джоанна ушла, умерла от рождения этой мерзости, которую Эйрис вложила ей в живот, а Тайвин был бессилен предотвратить еще большую смерть.

Дело было не в мальчике, которого он оплакивал, и не в потере для себя, а в том, насколько он подвел свою любимую жену. Джоанна ушла, умерла от рождения этой мерзости, которую Эйрис вложила ей в живот, а Тайвин был бессилен предотвратить еще большую смерть.

Он едва заметил плач своих братьев и сестер, когда они окружали его; они всегда любили Тириона больше, чем его.

Он едва заметил плач своих братьев и сестер, когда они окружали его; они всегда любили Тириона больше, чем его.

Когда он поднялся, ярость, непохожая на все, что он чувствовал, вспыхнула внутри него, почти задушив его. Его зелено-золотые глаза сверкали, когда он смотрел на своего стюарда.

Когда он поднялся, ярость, непохожая на все, что он чувствовал, вспыхнула внутри него, почти задушив его. Его зелено-золотые глаза сверкали, когда он смотрел на своего стюарда.

«Найди мою дочь; давно пора нам с ней поговорить».

«Найди мою дочь; давно пора нам с ней поговорить».

Когда Тайвин удалился с места происшествия позади него, он заблокировал вопли, крики, протесты. Серсея зашла слишком далеко; Она перестаралась, и она, наконец, поняла, что значит пересечь Великого Льва. Ее дни в Скале были сочтены, ее время в качестве Ланнистера тем более.

Когда Тайвин удалился с места происшествия позади него, он заблокировал вопли, крики, протесты. Серсея зашла слишком далеко; Она перестаралась, и она, наконец, поняла, что значит пересечь Великого Льва. Ее дни в Скале были сочтены, ее время в качестве Ланнистера тем более.

Тайвин Ланнистер был лордом Кастерли Рока, а не Серсеи. И если спасение его дома означало ее уничтожение, то Тайвин был полностью готов к этому.

Тайвин Ланнистер был лордом Кастерли Рока, а не Серсеи. И если спасение его дома означало ее уничтожение, то Тайвин был полностью готов к этому.